

осмысления старых, уже циркулировавших в науке материалов, а на основе большого слоя вновь введенных в кругозор исследователей памятников, — памятников, которые сами по себе открывали целую новую область явлений литературы, необычайно перспективную.

Все работы В. П. — от ее самых первых и до написанных за последний год — так или иначе связаны с идеей глубокой роли народа в историко-литературном процессе. Демократическая литература подтвердила эту мысль, обычно только риторическую у многих других литературоведов, вполне «материально».

— — .

Стремление выяснить роль народа в историко-литературном процессе обусловило постоянный интерес В. П. к проблеме взаимоотношения фольклора и литературы. Это взаимоотношение исследовалось В. П. в частных исследованиях еще дореволюционного периода. Интерес к этой проблеме был доминирующим в публикациях и работах, посвященных ею демократической литературе, и он же лег в основу ряда обобщающих статей послевоенного периода: «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)» (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5—16), «„Слово о полку Игореве“ и русская народная поэзия» (ИЮЛЯ, т. 9, 1950, вып. 6, стр. 409—419), «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» (ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 95—137), «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 67—96) и ряд глав коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, М.—Л., 1953).

Во всех этих работах на основе большого опыта ряда собственных конкретных исследований В. П. выступает против ограничения изучения взаимоотношения фольклора и литературы формальными, механистическими сопоставлениями отдельных элементов (метафоры, эпитеты, отрицательные сравнения, образы и пр.). Она требует объяснения проникновения фольклора в литературу и литературных мотивов в фольклор и предлагает искать эти объяснения в явлениях идеологии и мировоззрения, в условиях существования литературного и фольклорного произведения и пр.

Приведу ряд выдержек из работ В. П. для пояснения позиций, занимаемых ею в этом вопросе.

В статье «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» В. П. пишет: «Дореволюционное и советское литературоведение накопили довольно много фактов, свидетельствующих о прямых отражениях устнопоэтических сюжетов или мотивов в памятниках древнерусской литературы. Однако многие из этих фактов еще не до конца исследованы. Уточнения в ряде случаев требует прежде всего самый материал, подлежащий сопоставлению: рукописный текст литературного памятника и его предполагаемый фольклорный источник. На основе детально разработанной истории текста литературного произведения необходимо точно установить, в какой момент своей жизни оно подверглось воздействию фольклора, — при возникновении или в одной из позднейших редакций, другими словами, в какой исторической обстановке, в силу каких причин произошло сближение устной и письменной литературы, какова связь этого сближения с классовой направленностью всего литературного произведения в целом».⁵ Дальше В. П. утверждает: «Задача исследователя заклю-

⁵ ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 98.